

Размышления о русской истории

Русская история представляется мне как разворачивающаяся драма одинокой и непонятой культуры, то отбрасываемой из-за своего одиночества к самому обрыву непонимания, то заявляющей о себе как бы одинокими гениальными произведениями и личностями.

Прожив большую жизнь от самого начала века до его приближающегося конца, я имею не книжные, а самые непосредственные впечатления от русской истории: впечатления «на собственной коже». Для меня, например, памятны Николай II, Александра Федоровна, наследник-цесаревич, великие княжны, старый дореволюционный Петербург — и его мастеровые, и его балерины. Революция и пулеметные очереди у стен Петропавловской крепости со стороны Артиллерийского музея, а затем выстрелы из наганов на кладбище Соловков, видения прячущихся в мороз в Ленинграде 32 года по парадным крестьянок с детьми, проработки плачущих от стыда и бессилия ученых в стенах университета и Пушкинского дома, ужасы блокады — и все это в моей зрительной и слуховой памяти. «Хованщина», «Борис Годунов», «Град Китеж» — оперы эти были для меня как бы обрамленными в художественную форму моих личных впечатлений проходящего столетия.

Мои занятия историей, русской культурой сливались в единую, сильно окрашенную чувствами картину русского тысячелетия — мученичества и героизма, исканий и падений...

В истории русской культуры бывают периоды трагических катаклизмов, когда кажется, что все начинается сначала.

Так было с принятием христианства. Казалось, что языческая культура кончилась, кончился фольклорный период русского словесного искусства. Но вот прошли столетия, и сейчас мы знаем — культура слова не исчезла, но перешла в другие формы — не исчез фольклор, не исчезли и фольклорные достижения в новых формах — формах письменного слова.

Периодом перемен была эпоха царствования Грозного, «Неполезная» литература, литература беллетристического характера как будто бы была обрублена. Но прошло полвека, и в начале XVII века мы видим, что опыт остался. Он стал даже выше, несмотря на молчание второй половины XVI века.

Почти что апокалипсическим катаклизмом в истории русской культуры была эпоха Петровских реформ. Все началось сначала. Но сейчас специалистам по многовековой русской литературе ясно — перерыва не было. Линии развития пережили кризис, но возродились и продолжали развиваться на новом уровне — на уровне усвоения западноевропейского опыта.

Каждый из этих катаклизмов, когда казалось — все должно начаться с самого начала, своеобразен по своему характеру. Перерывы были с задержками, перерывы были перед новым скачком вперед. Задержки шли изнутри и задержки вызывались внешними событиями. Все по-разному.

К таким внешне обусловленным перерывам принадлежит и середина XIII века — время монголо-татарского завоевания.

Что, собственно, произошло в это время? Евразийцы были склонны преуменьшать значение восточного нашествия, другие, напротив, преувеличивали. Однако ни те, ни другие не пытались охарактеризовать события в их существе, а это безусловно важнее, чем все попытки оценить перерывы количественно.

Для Запада и для нас характерно преувеличение специфичности русской истории. Искать специфичность следует, но только там, где она действительно может быть научно установлена. Все тычут нам в нос Грозным. Однако в то время, когда у нас свирепствовал Грозный, герцог Альба кроваво расправлялся со своими врагами в Голландии, а в Париже была Варфоломеевская ночь.

Мы очень часто находимся во власти исторических предрассудков. Одним из таких предрассудков является убежденность в том, что древняя, «допетровская» Русь была страной со сплошной малой грамотностью.

Тысячи и тысячи рукописных книг хранятся в наших библиотеках и архивах, сотни берестяных грамот найдены в Новгороде — грамот, принадлежащих ремесленникам, крестьянам, мужчинам и женщинам, простым людям и людям высокого социального положения. Печатные книги показывают высокий уровень типографского искусства. Рукописи «цветут» изумительными заставками, концовками, инициалами и миниатюрами. Печатные шрифты и рукописные буквы поразительны по красоте. Все новые и новые центры книжной культуры обнаруживаются в монастырях Древней Руси среди лесов и болот, на островах — даже вдали от городов и сел. В рукописном наследии Древней Руси мы все больше и больше открываем новых оригинальных произведений и переводных. Уже давно ясно, что болгарское и сербское рукописное наследие шире представлено в русских рукописях, чем у себя на родине. Высокое искусство слова окружено открытиями в области древнерусской музыкальной культуры. Всеобщее признание во всем мире получили древнерусские фрески и иконы, русское прикладное искусство. Древнерусское зодчество оказалось целым огромным миром, изумительно разнообразным, будто принадлежащим разным странам и народам с различной эстетической культурой. Мы получили из рукописей представление о древнерусской медицине, о русской историософии и философии, о поразительном разнообразии литературных жанров, об искусстве иллюстрирования и искусстве чтения, о различных системах правописания и пунктуации... А мы все твердим и твердим: «Русь безграмотная, Русь лапотная и безмолвная!»

Почему так? Догадываюсь: может быть, потому, что в XIX веке носителями древнерусской культуры оставались по преимуществу крестьяне, историки судили о Древней Руси главным образом по ним, по крестьянам, а их давно уже скрутило крепостное право, все большее обнищание, отсутствие времени на чтение, непосильная работа, нищета.

В любом историческом сочинении мы привыкли читать об усилении эксплуатации, классового гнета, обнищании народных масс. И ведь это правда, но почему же тогда мы не делаем и другого вывода, что культура народа в этих условиях нарастающего гнета должна была падать. Судить по безграмотности крестьянства XIX века о его неграмотности (еще большей!) в веках XI—XVI нельзя. Нельзя думать, что письменная культура населения непрерывно возрастала. Нет, она и падала. И именно крепостное право принесло с собой ту неграмотность, ту «лапотность» народа XIX века, которая даже историкам показалась исконной и типичной для Древней Руси.

Одна фраза в Стоглаве о неграмотности новгородских попов служила и продолжает служить этому убеждению в неграмотности всего населения. Но ведь Стоглавый собор, призванный установить единый порядок церковных правил для всей Руси, имел в виду только новгородский обычай избирать уличанских попов всей улицей, в результате чего в попы попадали лица, не имевшие точного представления о церковной службе.

Одним словом: обильнейший материал превосходных рукописных и печатных книг, хранящихся или героически собираемых нашими энтузиастами-патриотами на Севере, на Урале, в Сибири и других местах, требует от нас признания высокой письменной культуры первых семи веков русской жизни. Грамотность народа помогает нам понять высокую культуру слова в русском фольклоре, высокие эстетические достоинства народного зодчества, изделий народных ремесел, высокие моральные качества русского крестьянства там, где его не коснулось крепостное право, — как, например, на Русском Севере...

Плохое знание истории. Особенно русской... Но любовь поговорить о ней и на основе кочующих мифов скептически поразмышлять о современных проблемах. Вряд ли это

свойственно только нашей стране. То же самое я заметил во Франции и в Англии. Читают книжку маркиза де Кюстина \fn{Кюстин Астольф де (1790—1857)}, маркиз. По приглашению Николая I посетил Россию. Его книга «Россия в 1839» полностью переведена на русский яз. только после Окт. революции 1917 г., в 30-х годах прошлого века побывавшего в России и без знания русского языка набравшегося обрывков сведений. Издают и переиздают Кюстина. А он был в России 2,5 месяца! Да и книга его была агитацией против России перед Крымской войной.

Но мифы о русской истории, русском характере устойчивы, многолетни, примитивны, создают новые загадки, которые мы ленивы разгадывать. Однако они успокаивают. Можно успокаивать оптимизмом, а можно успокаивать и пессимизмом: ничего, мол, не может исправиться — все в этой стране было всегда, бесполезно пытаться что-либо изменить.

Сталин, мол, имел своих предшественников (при этом указывается только один — Грозный; Петра вряд ли кто-нибудь сочтет предшественником Сталина — различие в таланте и образованности слишком велико). Революции в России происходили только сверху («революцией» при этом объявляется освобождение крестьян). Народ вечно подчинялся, безропотно, рабски. Это в стране, где были бесчисленные восстания — Разин, Булавин, Пугачев, — где развивалось казачество, старообрядцы тысячами уходили на Север и на Восток, на Запад и на Юг, самосжигались сотнями, но не подчинялись власти, где интеллигенция была в постоянном противостоянии власти, где декабристы — единственный в мире случай — пошли против своих же собственных классовых сословных интересов во имя свободы страны и народа.

В подвиге декабристов есть много народного. Русь еще в своем восточнославянском единстве, до татаро-монгольского ига, когда она не выделила из себя три основных восточнославянских народа — украинцев, великорусов и белорусов, знала уже мужество непротivления. Святые Борис и Глеб без сопротивления принимают смерть от своего брата Святополка Окаянного во имя государственных интересов. Черниговский князь Михаил и его боярин Федор добровольно едут в Орду и там принимают смерть за отказ выполнить языческий обряд.

«Страна почти сплошь неграмотная в прошлом!» И это та страна, где старообрядцы упорно придерживались своих письменных памятников, а их записывали счетчики неграмотными, так как они отказывались читать новопечатные книги. Это страна, давшая в XIX в. лучшую в мире литературу...

А сколько мифов в интерпретации Петровской эпохи. Мифов, кстати, создававшихся самим Петром, чтобы оправдать свои действия. Миф о косности и неподвижности Древней Руси. Миф о ее замкнутости (следовательно, и от Греции, Болгарии, Скандинавии, западнославянских стран, даже от Италии, Голландии, Швеции в XVII в.). Петр создавал свой миф, чтобы проводить свою политику. А нам-то зачем все это нужно? Рассматривая мнения нашего общества о петровских реформах, В.О. Ключевский писал: «Любуясь, как реформа преображала русскую старину, недоглядели, как русская старина преображала реформу». Ключевский назвал последнее явление «встречной работой прошлого» \fn{Ключевский В.О. Памяти С.М. Соловьева. — «Научное слово», 1904, кн. VIII, с. 127.}.

ПИСЬМО О ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМАХ

Глубокоуважаемый Дюла Свак!

Мне очень жаль, что наш разговор о Петре Первом в фойе Будапештского форума культуры нам не удалось довести до конца: меня звали звонки на заседание. Вопрос о том, была ли деятельность Петра I прогрессивной или губительной для русской культуры, чрезвычайно запутан в литературе и общественной мысли XVIII—XX веков, но запутан он вовсе не безнадежно. В коротком ответе на Ваше письмо по этому поводу моим

мыслям будет тесно для мотивированного изложения своих взглядов, но подвести все-таки некоторые основания под будущие ответы возможно.

Прежде всего вопрос должен быть поставлен так: совершил ли Петр I неким переворот в общих тенденциях русской культуры или деяния Петра I шли в общем русле ее развития? Я стою на последней точке зрения. Петр продолжил и ускорил то, что было заложено в русской культуре. Европеизация России началась со Смутного времени, и Россия всегда была связана с другими странами: Скандинавией, Византией, западнославянскими странами, южнославянскими странами и пр. Петру не пришлось «прорубать окно» в Европу. Он открыл широкие двери главным образом на северо-запад Европы. Но и здесь он не произвел «открытия». Интерес к Англии начался еще в XVI веке, интерес к Голландии был широк еще при Алексее Михайловиче. Первоначально Петр I вводил в России венгерское платье, но и это не новшество. Интерес к Венгрии существовал на Руси уже в XI—XII веках.

Идея «просвещенной монархии», «царя-труженика» была изложена еще до Петра в стихах Симеона Полоцкого — учителя детей отца Петра — Алексея Михайловича.

Петр сменил в России всю знаковую систему (символы, эмблемы, гербы, знамена), познакомил с идеями басен Эзопа, перенес столицу поближе к естественным путям в прибалтийские страны и пр. Но уже в XVII веке эта смена «знаковой системы» была глубоко подготовлена в России.

Второй Ваш вопрос: не слишком ли дорогую цену заплатил народ за все «благоденствия» Петра? Да, слишком дорогую. Не говоря уже о многом другом, Петр устлал трупами болота, на которых строился Петербург. Можно было бы, не так торопя, прийти к таким же результатам несколько медленнее, — растянув реформы на весь XVIII век. Но это мы рассуждаем с современной точки зрения, — мы, умудренные большим историческим опытом. А реально, если бы и не было «торопливого» Петра, то легко возникли бы другие исторические деятели, только менее талантливые и менее способные к государственному творчеству. Дело в том, что деспотизм — одна из отрицательных сторон любой «просвещенной монархии». «Просвещенная монархия» не просто стремилась осуществить счастье народа, — она навязывала это счастье часто насильственными способами.

«Король-Солнце» Людовик XIV тоже не был ягненком. Да это было бы и невозможно в системе «идеологического государства», какой представлялась Франция при Людовике XIV. Можно было бы привести и другие примеры.

Петру удалось провести сближение России с северо-западной Европой, сближение, которое было неизбежным и зародилось ранее. На Западе в эпоху Петра существовало два стиля — классицизм и барокко. В России со второй половины XVII века господствовало только барокко, которое приобрело формы, позволившие барокко стать заменителем Ренессанса, Барокко было типичным не только для искусства, но для характера науки, мышления, поведения человека и т.д. Петр был типичным представителем барокко. Петр — «человек барокко» со всеми его противоречиями, контрастами, темпераментом, загадочностью и т.д.

Обвинять в чем-либо Петра нельзя. Его следует понимать, как следует понимать его эпоху и нужды, перед которыми очутилась Россия на грани столетий.

Можно ли считать Петра типичным для русской истории? Только в той мере, что в огромной России все реформы, все исторические перемены требовали больших усилий и совершались с большим трудом и большими жертвами.

С уважением Ваш Д. Лихачев

По поводу жалоб на Петра за основание столицы в краю гнилого климата С.М. Соловьев в своих «Публичных чтениях о Петре Великом» удачно говорит: «Что касается неудобств климата и почвы, то нельзя требовать от людей, физически сильных, чтоб они предчувствовали немощи более слабых своих потомков»\fn {Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1894, чтение восьмое.}.

Человек, его личность — в центре изучения гуманитарных наук. Именно поэтому они и гуманитарные. Однако одна из главных гуманитарных наук — историческая наука — отошла от непосредственного изучения человека. История человека оказалась без человека...

Опасаясь преувеличения роли личности в истории, мы сделали наши исторические работы не только безличностными, но и безличными, а в результате малоинтересными.

Читательский интерес к истории растет необычайно, растет и историческая литература, но встречи читателей с историками в целом не получается, ибо читателей, естественно, интересует в первую очередь человек и его история.

В результате огромная нужда в появлении нового направления в исторической науке — истории человеческой личности.

И, в самом деле, если личность человека не играла в истории той большой роли, которая отводилась ей историками XIX века, то сама история играла огромную роль в становлении личности. Командуя историей или сам командуемый ею, человек все же находится в центре наших гуманитарных знаний и художественного творчества всех областей искусства.

Вторая половина XVIII века — эпоха, по-своему поворотная в судьбах человеческой личности. Если человеческая личность в Древней Руси развивалась хотя и медленно, но все же гармонично, и вырабатывала свои яркие индивидуальности, то эпоха Петра в каком-то отношении подавила человеческую личность. Гигантская фигура Петра I не сама подавила собой людей его эпохи. Он не был тираном типа Ивана Грозного. Петр пытался контролировать свой деспотизм, вводя его в известные правила и придавая всему государственному быту России какие-то стабильные формы. Однако стабильные формы эти не всегда были удачны. Созданная Петром «табель о рангах», разделившая всех государственных людей его времени на четырнадцать классов, налегла на человеческую личность как гигантская чугунная плита и особенно придавила людей после смерти Петра — единственного, кто мог с ней справиться и мог ее в нужных случаях обходить.

Только во второй половине XVIII века личность человека начинает постепенно обретать силы, находить в себе чувство собственного достоинства и получать в жизни иные цели, кроме рептильного продвижения по служебной лестнице о четырнадцати ступенях...

Обнаружить характерные черты человека этого времени не так-то просто. Неотменная табель о рангах продолжает скрывать от нас, как тяжелая неуклюжая ширма, естественные движения человеческой души. Дворянство этой эпохи во многих случаях еще стеснялось быть людьми без званий и отличий, старательно обеспечивая себе ступеньку на лестнице табели о рангах, скрываясь за орденами и муаровыми лентами на заказываемых портретах...

Наши общественные науки губят чувство патриотизма, без которого невозможна ни культура, ни нравственность, ни само существование государства. Об этом надо говорить на всю страну, об этом должны знать все, и в первую очередь — историки, лингвисты, литературоведы, обществоведы, политологи. Преподавание ограничивается общими, обезличенными и бессобытийными рассуждениями. Интерес к истории убит.

Неизвестными остаются самые элементарные факты и имена. Неизвестны Авраамий Палицын\fn{Авраамий Палицын (?—1626), в миру Аверкий Иванович, известный деятель Смутного времени, Келарь Троицкой лавры. Способствовал продовольственной помощи Москве, осажденной «тушинским вором». Автор ценного исторического источника: «Истории в память сушим предыдущим родам» и, возможно, части «Иного сказания».}, Пересвет и Ослябя\fn{Пересвет (Александр), инок Троице-Сергиевой лавры. До пострижения боярин из Брянска, участвовал вместе с иноком *Ослябей* (Романом, в монашестве Родионом) в Куликовской битве по благословию Сергия Радонежского. Пал смертью храбрых в единоборстве с татарским богатырем *Челибеем* (Темир-мурзой).}, «гражданин Минин и князь Пожарский»\fn{Минин Козьма (? — 1616). Народный герой.

Нижегородский посадский, земский староста. Организатор народно-освободительной борьбы в Смутное время. Один из руководителей 2-го Земского ополчения.

Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642), князь, полководец, народный герой. Участник 1-го Земского ополчения и один из командиров 2-го Земского ополчения, сражавшихся против польских интервентов.}, (в самом Нижнем Новгороде!), а что уж говорить о докторе Гаазе\fn{*Гааз Федор Петрович* — Хаас Фридрих Иосиф (1780—1853), главный врач московских тюрем, самоотверженный филантроп. Он «раздал свои средства... отдал все свое время и все свои силы на служение „несчастливым”, сходясь во взгляде на них с воззрением простого русского человека» (*А.Ф. Кони*). В своей книге «Федор Петрович Гааз» А.Ф. Кони приводит такой эпизод: митрополит Филарет, которому наскучили постоянные ходатайства Гааза за «невинно осужденных» арестантов, сказал ему: «Вы все говорите о невинно осужденных... Таких нет. Если человек подвергнут каре, значит за ним есть вина». Доктор Гааз вскричал: «Да Вы о Христе позабыли, владыко!» Филарет поник головой и после минутного раздумья ответил: «Нет, Федор Петрович! Когда я произнес поспешные слова, не я о Христе позабыл, — Христос меня позабыл» (*Кони А.Ф. Федор Петрович Гааз*. СПб., 1906, с. 97—98).}! Затуманены мозги о принципах крепостного права и об освобождении крестьян...

В результате неправильных методологических предпосылок в нашей исторической науке и совершенно неверной установки на приоритет образования над воспитанием, отсутствия элементарных знаний литературы и культуры нашей страны в наших душах вместо любви к Родине — пустое место (в лучшем случае, «духовное нечерноземье»!), вместо любви к своему народу — ненависть к другим (в худшем случае). Вместо патриотизма — всякого рода обоснованные и необоснованные «анти» (антисемитизм, антируссизм, антитюркизм и т.п.).

Русская история предстает в искаженном виде. Ее заменили сплошные мифы.

Необходимо восстановить историю России, освободив ее от мифов, разумеется, без националистической идеализации!

Это задача не только педагогики, но — прежде всего — исторической науки. Нам необходимо знать себя, свою историю, свои наивысшие человеческие достоинства и чрезвычайные недостатки, которые все время им противостоят. О наших действительных достоинствах (о многих из них я неоднократно писал) и действительных (но не мифических) недостатках надо говорить прямо.

Из отрицательного, что безусловно свойственно России, — это идя вперед клеймить все старое, отречься от своего прошлого. Это свойство в полной мере проявил Петр I, но это характерно для многих деятелей русской культуры и «некультуры» XIX и XX вв. (до сегодняшнего дня).

Другое качество, которое необходимо учитывать, — умение во всем доходить до крайности. Уж если создавать новую столицу — так не в центре государства, а на его рубежах! (Так сказать, географический аспект.) Если создавать книжные центры — то не в городах, а в лесах и на островах (Кириллов, Валаам, Соловки и пр.)! В искусстве — быть «авангарднее» авангарда! В общественной жизни — отречься от национальных обычаев и традиций. К счастью, эта черта не абсолютная, но ее надо иметь в виду, ибо ею обусловлено стремление охаивать самих себя, искать правды где-нибудь на стороне, покидать свою страну и пр.

Хорошо сказано С.М. Соловьевым: «Прошедшее, настоящее и будущее принадлежит не тем, которые уходят, но тем, которые остаются, остаются на своей земле, при своих братьях, под своим народным знаменем»\fn{*Соловьев С.М.* Публичные чтения о Петре Великом, с. 27.}.

Русь X—XII веков, когда составлялось летописание, была не только славянским, но финно-угорским объединением с единым восточнославянским языком, из которого в дальнейшем произошли языки русский, украинский и белорусский, но в быту

существовал и угро-финский. И очень важно, что древнейшие письменные памятники финского языка найдены именно на территории Новгорода — одного из двух политических и культурных центров Древней Руси. Один из пяти районов Новгорода назывался «Чудин конец». Чудь была финно-угорским племенем. В Киеве был Чудин двор, который упоминает летописец, описывая топографию Киева. Возможно, это был двор знатного чудина, а может быть, какое-то финское подворье, достаточно богатое и известное, на которое летописец ориентировался, чтобы быть понятным своими читателями.

Автор «Повести временных лет» был хорошо осведомлен о народах, соседивших с Русью и входивших в состав Руси. В начале «Повести», описывая расселение славянских племен, он пишет: «В странах же Иафета (сына библейского Ноя) сидят русские, чудь, и всякие народы: меря, мурома, весь (вепсы), мордва, заволочьская чудь, пермь, печора, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола (предки латышей), ливы». И далее летописец снова возвращается к вопросу о том, какие народы где живут: «А на Белоозере живет весь, на Ростовском озере меря, а на Клещине озере тоже меря. А по реке Оке — там, где она впадает в Волгу, — мурома, говорящая на своем языке, и мордва, говорящая на своем языке. Вот кто только говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели на Бугу, а затем ставшие называться волынскими. А вот другие народы, дающие дань Руси (замечу: дань княжескому роду Руси давали и славяне): чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печора, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливонцы, — эти говорят на своих языках, они — потомство Иафета, живущее в северных странах». До появления князей, согласно рассказу «Повести», северные славянские племена и финно-угорские платили дань варягам (норманнам) за море, а когда решили призвать к себе князей из варяжских стран, то в союзе выступали и славянские племена, и финно-угорское племя весь. И снова напоминает летопись о том, что на севере Руси варяги пришельцы, а постоянное население славянское и угро-финское, указывая на то, где живут какие племена.

Когда умер Рюрик, владевший после смерти своих братьев один всем многонациональным Русским Севером, его преемником стал Олег, и он в 882 году пошел походом на юг Руси во главе войска, состоявшего из славянских и финно-угорских племен: «Выступил в поход Олег, взяв с собой много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей...» Этим походом Олег утвердил Киев центром своего государства. А затем в 907 году Олег пошел походом на Византию и снова взял с собой войско из всех племен — славянских и финно-угорских: «И пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве, взял же с собой множество варягов, и славян, и чудь, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, хорватов, и дулебов, и тиверцев...» Этот многонациональный характер Киевского государства, подчеркиваемый «Повестью временных лет», замечателен.

Государство Руси было самым большим государством, когда-либо существовавшим в Европе: от Карпат на западе до Волги на востоке, от Балтийского и Белого морей на севере до Черного моря на юге, где располагалось Тмутараканское княжество, связанное с Чернигово-Рязанской областью. Естественно, что такое огромное государство не могло долго сохранять свое единство, Экономический рост отдельных городов и областей усиливал центробежные силы. Государство Руси стало распадаться, но распадаться не путем выделения отдельных племен, населявших Русь и находившихся первоначально в союзе друг с другом, а по княжествам, образовавшимся вокруг отдельных городов.

Скандинавы не случайно называли Русь Гардарикией — страной городов. Династические и княжеские интересы, концентрировавшиеся вокруг городов, оказались в разделении Руси на княжества сильнее, чем племенные и национальные.

Два сильных центра существовали в Русском государстве: Новгород на севере и Киев на юге. Постепенно роль государственного переходила на юг — в Киев, захваченный, как мы

уже видели, Олегом. И это решило национальную судьбу Руси. Киев был славянским городом со славянским окружением. Новгород был также в основном славянским городом, но в окружении сельского населения, состоявшего из славян и финно-угров. Последних, возможно, было даже больше, чем первых. Но решали все города, ставшие усиленно развиваться. В результате славянский язык (вернее восточнославянский, разговорный и деловой, и церковнославянский, по происхождению своему староболгарский) естественно стал языком Киевского государства. На *русском* языке говорили князья, сохранявшие только в отдельных случаях норманнские имена (Олег, Ольга, Ингварь — Игорь), на русском языке велись летописи, писались литературные произведения, на церковнославянском молились и писались возвышенные сочинения. В союзе восточнославянских и финно-угорских племен с самого начала, при всем равноправии племен, перевес получили славяне — перевес культурный и государственный. То, что князья никак не ущемляли права неславянских племен, явилось великим благом для государства, воспитало у славян исконное чувство дружелюбия к другим народам, в соседстве с которыми они жили и в пределах государства и в окружении этих народов, а когда на южных границах Руси появились племена тюркского происхождения, войны с ними носили скорее междоусобный характер, чем национальный. Так было первоначально — до появления на юге сильных национальных объединений тюрков, а затем монголо-татар.

Было бы нелепо предполагать, что черты русского характера были врождены русским. На самом деле они воспитывались историей, историческими ситуациями, в которые чаще всего попадала Россия, и до нее общая родина всех восточнославянских народов — Русь, Русьская земля.

И характер народа не един. Мы замечаем, как свои отличия в русском характере формировались и формируются у поморов, другие в Сибири, третьи по Волге — в средней и нижней ее части. Россию нельзя оторвать и от населяющих ее народов, составляющих вместе с русскими ее национальное тело. Россия по богатству своих культурных типов, по сложности вплетения в них различных черт, по энергии своих разных проявлений, наконец по интенсивности своих отношений с другими национальностями — едва ли не единственная в своем роде страна.